

УДК 296.3
ББК 63.2

Ранние этапы реставрации двух еврейско-персидских средневековых рукописей

Екатерина Максимовна Белкина

(Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, Россия)

ORCID ID: 0000-0002-2592-8679

Магистр, библиотекарь (старопечатный еврейский фонд)

Институт восточных рукописей РАН

191186, Санкт-Петербург, Россия, Дворцовая наб., 18

Тел.: (812) 315-87-28

E-mail: belkinakat@gmail.com

DOI: 10.31168/2658-3356.2019.4

Аннотация: Статья посвящена двум рукописям, которые написаны на еврейско-персидском языке и хранятся сегодня в двух разных коллекциях в Санкт-Петербурге. Обе книги содержат тексты средневековых поэтических сочинений Шахина, крупного еврейского поэта XIV в. из Шираза (провинция Фарс, Иран). При комплексном изучении обеих рукописей выяснилось, что они представляют исследователю два вида «исторических» реставрационных работ. В первом случае есть некое средневековое ядро книги, к которому были добавлены впоследствии отдельные листы или тетради целиком. Они были выполнены мастером, который в статье идет под № 2, и ему же принадлежит первый слой реставрации (предположительно начало XIX в.). Еще один, верхний слой был создан спустя столетие, и здесь реставратор уделял внимание физической составляющей кодекса, а не тексту. Во втором случае можно говорить о параллельном существовании нескольких написанных до XVIII в. рукописных книг, фрагменты которых оказываются в руках того же мастера № 2 в XIX в. Он, как и в первом случае, восстанавливает только утраченный текст поэмы, однако позднее к рукописи были добавлены отдельные листы (на местах появления лакун).

Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного на конференции «Вещь – символ – знак в славянской и еврейской культурной традиции» (Центр СЭФЕР, Москва, 2018 г.). Автор выражает особую благодарность д-ру Ю. Рубанович (Израиль, Еврейский университет в Иерусалиме), исследовательская работа которой в РНБ в сентябре 2018 г. стала основой для настоящего исследования, и к.ф.н. О.М. Ястребовой (Санкт-Петербург, Отдел рукописей РНБ) за помощь в поиске кодикологических данных, существенных для этой работы.

По-видимому, этот процесс происходил в течение всего XIX столетия, так как уже в 1904 г. рукопись поступила на хранение в Азиатский музей Петербурга. Сегодня обе рукописи представляют собой особый интерес для исследователей и с точки зрения языка, и с точки зрения развития письменной культурной традиции в среде восточных еврейских общин. На данный момент сравнительно-исторический анализ книг находится только на начальном этапе.

Ключевые слова: *еврейские рукописи, Шахин, еврейско-персидский язык, реставрация, РНБ, ИВР РАН, кодикология*

Среди собраний еврейско-персидских рукописей, хранящихся сегодня в Санкт-Петербурге, можно особо выделить две рукописные книги – шифр Евр. 150 Новой серии в Российской национальной библиотеке и шифр С40 Еврейского фонда в Институте восточных рукописей РАН¹. Они являются списками поэтических произведений «Берешит-наме» и «Муса-наме» Шахина, крупного еврейского поэта XIV в. из Ширази (сегодня – провинция Фарс, Иран). При параллельном комплексном исследовании рукописей в фондах выяснилось, что перед нами две довольно похожие друг на друга книги, имеющие, по-видимому, сходную судьбу.

Рукопись Евр. 150 Н.С. ОР РНБ

Первая из них² поступила в РНБ в 1975 г. Она была привезена из Бухары В.В. Лебедевым, что зафиксировано в инвентарной книге Равребе-Старковой³ в Отделе рукописей. Кодекс состоит из 220 листов размером 212×178 мм каждый, одет в кожаный переплет. Одна из основных вещей, которая с первых же минут работы с рукописью привлекает внимание, – это наличие нескольких сменяющих друг

¹ Далее в статье названия обоих учреждений будут даны в аббревиатурной форме: РНБ и ИВР РАН.

² Для простоты восприятия на протяжении всего текста статьи автор будет называть рукописи «первая» и «вторая»: Евр. 150 Н.С. РНБ и С40 Евр. фонда ИВР РАН соответственно.

³ Инвентарная опись фонда 913; начал составлять И.И. Равребе, заканчивала К.Б. Старкова. Сегодня сама является рукописью (шифр 213) того же фонда 913 (Новая серия) ОР РНБ.

друга почерков, появляющихся в книге в некоем достаточно хаотичном порядке. Поэтому в настоящей статье мы будем следовать за почерками постранично, то есть в том порядке, как они встречаются по мере чтения текста поэмы. При таком подходе на основании палеографических данных⁴ была выявлена следующая структура рукописи:

- а) переписчик № 1 – ff. 1аб;
- б) переписчик № 2 – ff. 1а–9б;
- в) переписчик № 3 – ff. 10а–60б;
- г) переписчик № 1 – f. 61аб;
- д) переписчик № 3 – ff. 62а–218б;
- е) переписчик № 2 – ff. 219аб;
- ж) последний лист – f. 220 – пустой⁵.

В этом перечне упомянуты только те фрагменты, которые можно отнести к категории основных: это означает, что часть текста, выполненная тем или иным переписчиком, составляет 50 % и более всего имеющегося на листе или на одной из его сторон текста. Почерка № 1 и № 2 встречаются также в некоторых других, не обозначенных выше частях книги, и речь об этом пойдет ниже. В рукописи нет колофона, все писцы анонимны.

На наш взгляд, в этом кодексе можно выделить некое ядро. Это части, созданные переписчиком № 3 (ff. 10а–60б и ff. 62а–218б). Они представляют собой наиболее древнюю часть текста, она пока что не датирована⁶. Текст выполнен на бумаге восточного типа, желтовато-

⁴ Про палеографические аспекты обеих рукописей автор готовит отдельную работу.

⁵ Это не совсем верное утверждение. На стороне verso присутствуют шесть строк – по-видимому, стихотворения на еврейско-персидском языке. Они выполнены будто бы детским почерком, ниже следуют отдельные хаотично расположенные пробы начертания нескольких букв (*цаде* и *'айн*; *з* и *у*). Этот почерк не соответствует ни одному из представленных в тексте поэмы.

⁶ В.В. Лебедев датирует обе описываемые в статье рукописи серединой XV в. Сложно сказать, прав ли он, так как исследования еврейских рукописей из региона большого Ирана малочисленны, а Лебедев не оставил по этому поводу никаких замечаний. Точно можно утверждать, что рукопись была создана не позднее середины XVII в. Сегодня самый ранний датированный кодекс «Муса-наме» Шахина восходит к 1730 г. и хранится в Израиле [Netser 1986, 169]; «Берешит-наме» — того же времени [Ibid]. Они значительно отличаются от «наших» рукописей с точки зрения палеографии и кодикологии.

го оттенка, довольно плотной, не имеющей филиграней. Оригинальная структура тетрадей и размер листов не дошли до нас, так как со временем рукопись была отреставрирована.

Реставрацией, хоть и каждый по-своему, занимались переписчики № 2 и № 1⁷. Отметим, что стоит рассматривать их деятельность как раз в таком порядке. Переписчик № 2 первым приступил к работе, ему принадлежит крупный отрывок текста в начале книги (ff. 1a–9b) и завершающий поэму фрагмент (ff. 219aб). Можно предположить, что переписчика № 2 интересовало исключительно восстановление полного текста поэмы, для чего он переписывает утраченные ранее тетради и листы и два небольших фрагмента на ff. 10 и 86. Других текстовых вставок, которые могли бы ему принадлежать (идентичного почерка или писчего материала), обнаружено не было. Он практически не реставрирует уже имеющуюся у него на руках часть (то есть текст, названный нами ядром рукописи). На ff. 214, 215, 218 присутствуют несколько вклеенных на полях «заплаток» из той же самой бумаги, которую использует переписчик № 2 для текста, и, вероятно, это единственное место в рукописи, когда он занимается не поэмой, а физической составляющей кодекса.

Что же касается самой бумаги, которую использует переписчик № 2, то она дает исследователю намного больше информации, чем другие части рукописи, в том числе для воссоздания истории бытования книги. При просвете листов выяснилось, что на многих из них есть водяные знаки (филигранны). На f. 8a видны символы «1», «7» по центру листа, «В М С» – на сгибе листа. Такая филигрань использовалась «Вятской мельницей содержателей А. Прасковии Бедаревой» в конце XVIII в. [Клепиков 1959, 44]⁸. В связи с этим части рукопи-

⁷ Речь идет именно о реставрации рукописи, а не о сшитых вместе различных фрагментах одного произведения. Это подтверждают полистные кустоды, которые встречаются под основным текстом переписчика № 2 и соответствуют началу текста в последующих фрагментах. Это характерно также для второй рукописи и соблюдается в большинстве фрагментов при смене почерков.

⁸ В альбоме «Филигранны и штампы на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX века» С.А. Клепиков приводит филигранны 1779–1783 гг. и 1799 г., тождественные тем, что встречаются в исследуемой рукописи. Эти филигранны были обнаружены и соотнесены с примерами из альбома Ю. Рубанович и О.М. Ястребовой во время работы в РНБ в сентябре 2018 г. Дополнительной проверкой кодикологических данных в феврале 2019 г. подтвердила эту версию.

си, созданные переписчиком № 2, можно датировать рубежом XVIII–XIX вв. На основании этих данных пока что не удается локализовать этот этап работы, но предположительно речь идет о регионе Средней Азии.

Следующая реставрационная часть – работа переписчика № 1. Выше в перечне он отмечен в двух случаях (ff. 1аb и 61аb). В то время как со вторым случаем нет сложностей, потому что весь лист с обеих сторон recto и verso переписан им, первый случай перекликается в перечне со следующим, как описано далее: основной текст на f. 1аb выполнен переписчиком № 2 – и здесь как раз переписчик № 1 проявляет себя в качестве реставратора. Он дополняет уже утраченную к тому времени часть первого листа рукописи. Он не пишет текст сам, с нуля; его почерк появляется в книге (за исключением f. 61аb) в тех местах, где он проводит реконструкцию листов или переплета, если при этом затрагивается текст. Самый распространенный его прием — заклеивать либо проклеивать порванные листы небольшой полоской бумаги, на которой он сверху дописывает скрытые из-за этой техники элементы букв или утраченные окончания слов на внешнем крае листа и в его нижнем углу (ff. 10a, 11b, 12b, 25a, 28a, 32b, 36b и т.д.). Начиная с f. 43, он перестает восполнять текст, даже если его работа, а точнее бумага, на которую он накладывает оригинальный лист кодекса, перекрывает текст поэмы. Действительно, в некоторых отдельных случаях ближе к концу поэмы переписчик снова принимается копировать текст, например в том же случае с f. 61аb, однако делает это не систематически.

Складывается впечатление, что основная работа данного мастера состояла в том, чтобы привести поврежденную рукопись в надлежащий вид: если текст он позволяет себе в некоторых местах не переписывать, то каждый лист он проклеивает в обязательном порядке. Ему же принадлежит приведение всех листов к одному размеру и создание нового переплета⁹. Например, в трех местах (ff. 40, 150 и 161), когда размер сохранившегося оригинального листа значительно меньше, чем остальных листов, и нет места на полях для их

⁹ О.М. Ястребова во время работы над рукописью высказала мнение, что, возможно, перед нами многослойный переплет. Его верхняя, лицевая, часть была заново обтянута кожей, а внутренняя часть – это более ранний переплет. Пока что ни подтверждения этому, ни опровержения не найдено.

проклейки на новый слой бумаги, то реставратор будто «пришивает» этот лист к тетради посредством тонких полос бумаги («швов»), оставляя пространство между листом и переплетом. Такой прием позволяет нам сегодня свободно переворачивать лист, и это не мешает чтению. Более того, в рукописи можно заметить одну ошибку мастера № 1 как реставратора: f. 35 встроен в новый переплет по диагонали, и потому переписчику потребовалось неровно отрезать большую часть полей, чтобы лист не выбивался за пределы книги. Тем не менее именно эта ошибка из-за нынешнего расположения текста¹⁰ позволяет утверждать, что изначально листы были как минимум на 1 см больше и в ширину, и в длину.

На наш взгляд, эта реставрационная работа проводилась приблизительно в начале XX в.¹¹ Мы датируем ее таким образом, исходя из следующих данных: как уже было указано, Лебедев привез рукопись в Ленинград в 1975 г., и на тот момент она находилась «в хорошем состоянии», то есть не требовала срочной реставрации на месте в библиотеке¹². За 45 лет пребывания в библиотеке рукопись смотрели всего шесть человек¹³, следовательно, сегодня она доступна исследователю в том же виде или почти в том же, в каком она поступила на хранение; реставрационный слой – заключительный в рукописи – сам подвергся деформации (большой процент рваных листов, отслаивающаяся бумага, используемая переписчиком № 1, и т.д.). Для того, чтобы рукопись пришла в нынешнее состояние, потребовался бы, на наш взгляд, довольно большой промежуток времени. Поэтому, скорее всего, этот слой появился в конце XIX – начале XX в.¹⁴

¹⁰ Внешние поля в верхней части текста варьируются от 0,6 до 1,1 см, тогда как к низу они увеличиваются до 2 см. Нижнее поле на стороне recto справа составляет около 1 см, слева – практически полностью обрезано.

¹¹ На самом деле, для установления точной даты последней реставрации можно провести химический анализ используемого в рукописи клея. Также в некоторых местах заметны оставшиеся в клею волосяные части (кистей?), которые можно исследовать на предмет их возраста.

¹² Указано в описании к рукописи.

¹³ В листе использования рукописи указано: 29.05.1991 г. – Vera B. Moreen, 09.08.1995 г. – подпись «Б.Бар[д]», 06.06.1996 г. – характер использования «микрофильм всей рукописи для дирекции», 27.10.2016 г. – Ofir Naim, 27.04.2018 – Екатерина Белкина, 12.09.2018 г. – Julia Rubanovich.

¹⁴ По палеографическим и/или кодикологическим данным датировать эту часть рукописи ранее рубежа XIX–XX вв. пока что не удалось.

Забегая вперед, отметим, что у описываемого ниже «близнеца» рукописи этого слоя реставрационной работы не обнаружено.

В целом, можно выделить три листа (ff. 10, 86, 218), на которых пересекаются работы всех мастеров: первый уровень работы – обработка бумаги, компоновка тетрадей и написание текста – принадлежит переписчику № 3, и он является самым ранним; второй уровень – восполнение утраченного со временем текста – принадлежит переписчику № 2 и восходит к началу XIX в.; третий уровень – сама реставрация рукописи как книги – принадлежит переписчику № 1, и он появился не позднее начала XX в. Эта многослойная работа относится ко всей рукописи в целом, и, таким образом, можно говорить о настоящей, поэтапной реставрации средневекового кодекса на протяжении длительного периода. Среди еврейских рукописей, хранящихся в Петербурге, автору не встречалось до этого подобного случая такого скрупулезного «исторического» отношения к рукописной книге, тем более чтобы это было заметно исследователю в начале XXI в.

Рукопись С 40 Евр. фонда ИВР РАН

Вторая рукопись Шахина, состоящая из 273 листов размером 265×190 мм каждый, построена по иному принципу. Если попытаться расписать встречающиеся в ней почерка постранично, то список будет состоять из 29 пунктов, поэтому мы сразу скомпоуем все фрагменты, принадлежащие каждому писцу, в один пункт:

- а) переписчик № 1 – ff. 1а–4б;
- б) переписчик № 2 – ff. 5а–21б, 27аб, 45а–50б, 57а–64б, 101аб, 122аб, 132аб, 183аб, 188а–194б, 206а–230б;
- в) переписчик № 3 – ff. 22а–26б, 28а–44б, 52а–56б, 65а–100б, 102а–121б, 123а–124б;
- г) переписчик № 4 – ff. 125а–129б, 133а–140б;
- д) переписчик № 5 – f. 131аб;
- е) переписчик № 6 – ff. 141а–164б, 166а–171б, 173а–182б, 184а–187б, 195а–205б, 231а–259б;
- ж) переписчик № 7 – f. 165аб;
- з) переписчик № 8 – f. 172аб;

- и) переписчик № 9 – f. 260а–272б;
- й) последний лист – f. 273 – пустой¹⁵.

Можно заметить, что в данном случае сложно вычлениить некую основу, вокруг которой происходит постепенная реставрационная работа. Самый длинный фрагмент (на 36 листов, ff. 65–100) принадлежит переписчику № 3, другой отрывок – переписчика № 6 (24 листа, ff. 141–164) – также достаточно крупный и значительный среди всех остальных. Тем не менее можно выделить три пункта из перечня (б, в, е) и обозначенных в них мастеров (переписчики № 2, № 3 и № 6 соответственно) как основных, с наибольшим объемом текста.

Статистически около 25 % всего текста рукописи принадлежит тому, кто оказался обозначенным под № 2. После проведенного сравнительного анализа по различным палеографическим аспектам выяснилось, что почерк переписчика № 2 этой рукописи практически идентичен почерку мастера № 2 из первого кодекса¹⁶. Здесь, во второй рукописи, также используется бумага российского производства, по одной из версий — той же Вятской мельницы, однако принадлежащей уже другому владельцу [Uchastkina 1962, 82–83; Клепиков 1959, 44]¹⁷. Поэтому можно предположить, что перед нами работа одного и того же человека над обеими книгами. Ему и в этом случае принадлежит исключительно реставрация текста, а не кодекса как физического объекта: ни один из листов в данном случае не переписан двумя или более мастерами, все листы последовательно можно разделить между писцами, как указано выше в перечне.

Фрагменты двух других писцов (№ 3 и № 6) составляют, на наш взгляд, некую основу для последующей работы мастера № 2. Обе части не датированы, ниже они будут рассмотрены по отдельности.

¹⁵ На оборотной стороне, как и в предыдущем случае, также есть некоторые пока что не дешифрованные пометки неизвестным почерком. Не соотнесен ни с одним из встречаемых в данной рукописи.

¹⁶ Соотношение данных почерков в обеих рукописях представлены на ил. 1.

¹⁷ На некоторых листах видны два вида филиграней: на ff. 12, 193, 222 и 227 присутствуют литеры «Ф М [В/Р]» — водный знак Вятской Медянской фабрики содержательницы Екатерины Машковцевой [Клепиков 1959, 62] или же Вятской мельницы содержателей при смене владельца с П. Бедаревой на Е. Машковцеву (около 1801 г.) [ibid.]; на ff. 11 и 15 отчетливо видны филигранные в виде щита с короной (герба?), однако они не были отождествлены с примерами, которые дает Клепиков в своем альбоме.

Почерк переписчика № 6 был отождествлен с почерком переписчика № 3 из первой рукописи (Евр. 150 Н.С.)¹⁸. Именно на этом основании – двух одинаковых мастеров (№ 2 = № 2 и № 3 = № 6) – мы называем второй кодекс «близнецом» первого, хотя между ними есть существенные различия. В данном случае текст, созданный переписчиком № 6, не может быть назван ядром рукописи. Он составляет менее 50 % всей поэмы, хотя, по-видимому, является наиболее ранним письменным отрывком в этой книге.

Другие 30 % составляет текст, выполненный писцом № 3. На наш взгляд, этот фрагмент был создан в одно время с вышеупомянутым (в промежутке между XV и XVII в.) и позднее вынут из еще одной рукописи, возможно также пострадавшей от времени или использования. То же самое касается небольшой части текста, созданной переписчиком № 4. Она была зафиксирована до XVIII в., тогда как все остальные рукописные фрагменты (отдельные листы и/или тетради в начале и в конце кодекса целиком) появляются в рукописи параллельно с реставрационной работой мастера № 2 или еще позднее. Например, первая тетрадь рукописи создана на белой бумаге в клетку, текст выполнен пером или даже ручкой, последняя тетрадь в рукописи не намного ее старше.

Так, если скомпоновать все разрозненные отрывки рукописи, то можно вычленил следующую хронологическую систему построения книги:

1. Создаются фрагменты переписчика № 6 (наиболее ранняя часть) + фрагменты переписчиков № 3 и № 4 (в то же время или несколько позднее, но до XVIII в.)

2. Реставрационная работа переписчика № 2 воссоздает недостающий текст поэмы; возможно, собирает вместе отрывки № 3, 4 и 6 в единую рукопись. Датируется началом XIX в.

3. Параллельные переписчику № 2 или более поздние вставки отдельных листов выполнены разными людьми. На данный момент фрагменты точно не датированы и не локализованы. Вероятнее всего, процесс дополнения листов к рукописи проходил постепенно в течение всего XIX в.

¹⁸ В докладе на конференции он назван переписчиком № 5. Соотношение этих почерков см. на ил. 2.

В таком случае перед нами своеобразный «конволют», состоящий не из отдельных сочинений, а из различных по времени и по манере исполнения частей одной и той же поэмы. Сложно сказать, были ли три первые средневековые части объединены до XIX в. или нет, так как реставрация мастера № 2 присутствует на протяжении всего текста. Отметим также, что, кроме его работы по восстановлению списка поэмы, вплоть до попадания кодекса в фонд Азиатского музея не проводилось никакой реконструкции: как уже было упомянуто выше, в данном случае отсутствует слой дополнительной обработки книги после мастера № 2 (нет слоя реставрации кодекса как физического объекта). У кодекса имеется переплет, однако он был отделен от писчего материала во время профессиональной реставрации в XX в. в Петербурге. Эта рукопись поступила в собрание Азиатского музея в 1904 г. от некоего Dr. Yahuda из Дармштадта (куплена сотрудниками).

* * *

Таким образом, оба кодекса, по-видимому, побывали в руках одного и того же человека (мастер № 2), живущего на рубеже XVIII–XIX вв. Если первую рукопись он реставрирует частично, дополняя несколько листов в начале и один в конце, то вторую он восполняет фрагментами из других рукописей, а те недостающие отрывки, которые не находит, пишет самостоятельно. Возможно, во втором случае ему уже достался некий конволют из разрозненных фрагментов, но эта версия не подтверждена и нуждается в проверке.

Далее рукописи, по-видимому, попадают в разные собрания: одна остается в Центральной Азии, и ее реставрирует переписчик № 1, вторая же, скорее всего, была продана и в итоге оказалась в Дармштадте, пока там ее не выкупили для Азиатского музея. И, вероятно, именно это повлияло на отсутствие «верхнего» реставрационного слоя у второй рукописи. Уже в начале XX в. она находится в Петербурге.

Особое внимание привлекают повторяющиеся почерки в обеих рукописях: в первом случае он идет под № 3, во втором – под № 6. На сегодняшний день нет точных данных об этом писце, где и когда он жил и почему у двух разных рукописей, над которыми он работал, сложилась такая похожая судьба. Установление этих данных, возможно, позволит говорить об одном из наиболее ранних сохранившихся до сегодняшнего дня списков поэм Шахина.

На наш взгляд, все отдельно взятые фрагменты из обеих книг могут рассматриваться как самостоятельные источники, будь то ранний или поздний слой, с точки зрения кодикологии или палеографии, для изучения персидского языка в диахроническом срезе или для изучения отдельных лингвистических аспектов конкретного слоя. Так, обе рукописи представляют особый интерес и для медиевистов, и для филологов. Их изучение внесет новый взгляд на историю развития письменной культурной традиции в среде восточных еврейских общин.

Ил. 1.

Соотношение почерков переписчика № 2.

Слева – фрагмент из рукописи Евр. Н.С. 150 в РНБ;
справа – фрагмент из рукописи С 40 Евр. фонда ИВР РАН

Ил. 2.

Соотношение почерков переписчика № 3 – № 6.

Слева – фрагмент из рукописи Евр. Н.С. 150 в РНБ (переписчик № 3);
справа – фрагмент из рукописи С40 Евр. фонда ИВР РАН (переписчик № 6)

Литература и источники

- Евр. 150 Н.С. – Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 913 (Новая серия). Оп. 1. Ед. хр. 150. «Берешит-наме» Шахина на еврейско-персидском языке, 220 л.
- Клепиков 1959 – *Клепиков С.А.* Филигранные и штампованные на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX века. М., 1959.
- Равребе-Старкова – Российская национальная библиотека, Отдел рукописей. Ф. 913 (Новая серия). Оп. 1. Ед. хр. 213. Инвентарная книга фонда 913, составленная И.И. Равребе и К.Б. Старковой.
- С 40 Евр. ф-да – Институт восточных рукописей РАН. Еврейский фонд. Оп. 1. Шифр С 40. «Муса-наме» Шахина на еврейско-персидском языке, 273 л.

- Netser 1986 – *Netser A.* 'Otsar kitvey ha-yad shel yehudey Peres (Собрание рукописей евреев Персии [иврит]). Yerushalaim, 1986.
- Uchastkina 1962 — *Uchastkina Z.V.* A History of Russian Hand Paper-Mills and Their Watermarks. Hilversum, 1962.

The Early Stages of Restoration of Two Judeo-Persian Medieval Manuscripts

Ekaterina Belkina

(The Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences,
Saint-Petersburg, Russia)

ORCID ID: 0000-0002-2592-8679

M.A., Librarian (Early-Printed Jewish collection)

The Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences

191186, Saint-Petersburg, Dvortsovaya emb., 18

Tel.: (812) 315-87-28

E-mail: belkinakat@gmail.com

Summary: The article is devoted to two manuscripts written in Judeo-Persian and stored today in two different collections in St. Petersburg. Both books contain text of Shahin medieval poetic compositions, a major Jewish poet of the 14th century from Shiraz (Fars, Iran). A comprehensive study of both manuscripts revealed two types of “historical” restoration works. In the first case, there is a certain medieval “core” of the book, to which separate folios or more were added. This was done by a scribe, who goes under No. 2 in the article, his work is considered to be the first layer of the restoration (presumably the beginning of the 19th century). Another, the upper restoration layer passed nearly a century later, and the restorer paid attention to the physical parts of a book, not to the text. In the second case, one can talk about the parallel existence of several manuscripts written before the 18th century, fragments of which came to the master No. 2 hands in the 19th century. As previously he restored only the lost text. Later separate folios were added to the manuscript (to fill the lacunas) and apparently, this process took place during the entire 19th century. In 1904 the manuscript was bought by the Asian Museum of St. Petersburg.

Keywords: *Judeo-Persian, Jewish manuscripts, Shahin, restoration, NLR, IOM RAS*

References:

- Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences. Jewish Collection, List 1, C40. *Musā-Nāmeḥ* by Shāhin, in Judeo-Persian, 273 folios.
- Klepikov, S.A. 1959. *Filigrani i shtempeli na bumage russkogo i inostrannogo proizvodstva XVII–XX veka*. Moscow.
- The National Library of Russia. The Manuscripts Department. Collection 913 (New Series), List 1, Unit 150. *Bereshit-Nāmeḥ* by Shāhin, in Judeo-Persian, 220 folios.
- The National Library of Russia. The Manuscripts Department. Collection 913 (New Series), List 1, Unit. 213. Inventory Book for Collection 913, compiled by I.I. Ravrebe and K.B. Starkova.